

Litera

Правильная ссылка на статью:

Саввинова Г.Е. Интертекстуальность в прозе якутского писателя Платона Ойунского (1893-1939) // Litera. 2025. № 7. DOI: 10.25136/2409-8698.2025.7.75063 EDN: JIPWWY URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=75063

Интертекстуальность в прозе якутского писателя Платона Ойунского (1893-1939)

Саввинова Гульнара Егоровна

ORCID: 0000-0001-9868-4962

кандидат филологических наук

старший научный сотрудник; Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова

677009., Россия, республика Саха (Якутия), г. Якутск, ул. Ф.попова, 16, корпус 3, кв. 40

✉ savgul6767@mail.ru[Статья из рубрики "Интертекстуальность"](#)**DOI:**

10.25136/2409-8698.2025.7.75063

EDN:

JIPWWY

Дата направления статьи в редакцию:

04-07-2025

Аннотация: Статья посвящена творчеству выдающегося представителя якутской интеллигенции – основоположника якутской советской литературы начала XX века, первого ученого из якутов, поэта, писателя Платона Алексеевича Ойунского (1893–1939). Объектом исследования является встречающийся в произведениях П. Ойунского прием интертекстуальности. Материалом для исследования послужили тексты притчевых рассказов П. Ойунского «Александр Македонский», «Соломон Мудрый» и тексты авторских сказок «Спор» и «Лиса и барсук». Одной из отличительных особенностей творчества П.А. Ойунского является перерабатывание сюжетов, их заимствование и интерпретация. Писатель успешно разрабатывал устойчивые сюжетно-фабульные мотивы, переходящие из одной фольклорной традиции в другую; мастерски интерпретировал истории, культуры далеких мировых цивилизаций, придав сказкам, притчевым рассказам колоритное содержание с живописными персонажами. Использован метод интегративного подхода, в котором комбинируются литературоведческие и лингвистические знания. Анализ феномена интертекста в прозе

Ойунского позволяет рассмотреть интертекстуальность как типологическое свойство текста, текстовую категорию, а также формы проявления интертекстуальности в прозе. Функции действующих лиц заключаются в мотивах, которые влияют на ход действий, например, мотивы «запретного плода» и одержимости победой. Научная новизна исследования определяется тем, что впервые авторские сказки и рассказы-притчи в творчестве П. Ойунского рассматриваются в аспекте жанровых трансформаций. Теоретическая значимость исследования заключается в том, что оно вносит существенный вклад в развитие современной якутской литературы, в дальнейшее описание инациональной картины мира, так как содержит системный анализ прозаических текстов малой формы и способствует выявлению интертекстуальных знаков национальной поэтики. Цель исследования заключается в дефиниции смысловых трансформаций в изучаемых произведениях и выполняемых функций интертекста. Задачи исследования включают выявление формы авторского повествования в произведениях П. Ойунского, сопоставление типологически сходных явлений (произведений, жанров); выявление глубинных (мифологической, социально-прагматической) предпосылок анализируемых текстов. Результаты исследования, касающиеся приема интертекстуальности в прозе П. Ойунского: писатель предлагает новую интерпретацию народных сказок и притч, образов, сюжетов и мотивов – в конечном счете идей. Анализ произведений позволил выявить ряд языковых маркеров, связывающих тексты автора с исходными текстами.

Ключевые слова:

якутская литература, интертекст, авторская сказка, рассказы, притча, фольклорные традиции, эпос олонхо, иные сюжеты, трансформация, заимствования

Введение.

Платон Алексеевич Ойунский (1893-1939) – якутский писатель, основоположник якутской советской литературы, первый учёный-лингвист из якутов. Ориентированные на народные произведения начала XX в. тексты П. Ойунского затрагивают «вечные» проблемы, вместе с тем способ обращения к «вечным» вопросам оказывается у Ойунского иным.

Литературовед, исследователь литературного творчества П.А. Ойунского В.Б. Огорокова отмечает, «недаром П.А. Ойунский учился у таких писателей, как Байрон, Гете, Пушкин, Петефи и Горький. (...) Метод творчества П.А. Ойунского – романтизм» [\[1, с. 28\]](#). К романтизму в творчестве П. Ойунского подвигнуло само время - 1920-1930-е годы, время революций и борьбы, «бурь и молний». Идеиные и эстетические искания писателя представлены во всей своей глубине и выразительности.

В произведениях П. Ойунского весьма своеобразно переплетаются черты различных жанров. Писателем переосмысливаются с новых идейно-эстетических позиций фольклорные традиции - народно-поэтические элементы, мифологические образы и символы. В его произведениях фольклорные традиции не только «воспроизводятся, но и реструктуризируются, соотносясь с новым историко-культурным контекстом» [\[2, с. 68\]](#).

Для П. Ойунского творческим этапом в переходе к новым жанрово-стилевым формам литературного творчества были сказки - его «литературные сказки» и его «авторская позиция» [\[3\]](#) в сказочных произведениях.

Интертекстуальные отсылки к авторским сказкам П. Ойунского

О литературной сказке отечественный ученый-фольклорист В.П. Аникин писал: «Сказки писателей слились в сознании людей всех поколений со сказками народа. Это происходит потому, что каждый писатель, каким бы оригинальным ни было его собственное творчество, ощущал свою связь с фольклором» [4, с. 22]. Г.К. Орлова продолжает эту мысль следующим образом: «Связью с традицией и принадлежностью к той или иной жанровой разновидности во многом определяется язык сказок. Наиболее ярко эта черта предстает в стилизациях» [5, с. 535].

Одной из отличительных особенностей творчества П. Ойунского является перерабатывание сказочных сюжетов, их заимствование и интерпретация. Отмечено, что сказки П. Ойунского построены на узнаваемых переключках с текстами русских народных сказок, их образами, мотивами, ситуациями и деталями. По мнению исследователей, именно творчество русского писателя А.С. Пушкина вдохновила П. Ойунского на создание авторских сказок, ставших одними из лучших произведений якутской литературы начала XX века. П. Ойунский в своих произведениях успешно разрабатывал устойчивые сюжетно-фабульные мотивы, переходящие из одной фольклорной традиции в другую. Весьма примечательна работа М.Н. Липовецкого «Поэтика литературной сказки», в которой исследователь раскрывает роль народной сказки в обретении художественного опыта, предполагающего включение цитации, авторскую обработку известных сюжетов, реинтерпретацию вечных мотивов и наличие традиционного финала. В результате появляется авторский текст, наполненный индивидуальным восприятием мира [6, с. 43]. А В.Я. Пропп указывает на то, что «сказка как жанр, со своим составом сюжетов и персонажей, со своей структурой, в конечном счете генетически связана с первобытными обрядами и представлениями» [7, с. 9]. Пропп подчеркивает, также, и то обстоятельство, что «прочную зависимость от древних этнографических субстратов обнаруживают и архаический эпос, и обрядовый фольклор. При этом, отношения фольклора и этнографии не прямолинейны, в недрах фольклорного творчества происходит переработка, переосмысление, часто — идеологическое отрицание либо полная перекодировка материала действительности» [7, с. 10]. Исследователю удалось вскрыть ряд общих законов, регулирующих эти творческие процессы, и обнаружить устойчивые специфические качества фольклорного творчества.

Сказки П. Ойунского опираются на традиции народных сказочных сюжетов и соединяют индивидуально-творческую самобытность. Писатель в своих сказках придает ряд форм выражений: сказки о животных и социально-бытовых (новеллистических). У П. Ойунского это – сказки «Лиса и барсук» («Саһыллаах барсуук», 1935) и «Спор» («Мөккүөр», 1925), обработанные на основе русских народных сказок, которые насыщены эпитетами, метафорами, аллегориями, олицетворениями и др.

Язык литературных сказок П. Ойунского богат народными пословицами, поговорками, фразеологическими оборотами и др. Сюжет сказки «Лиса и барсук» начинается авторским отступлением народного изречения: «Лиса в своем веку известна хитроумьем, потому про умных и изворотливых людей обычно говорят: «с лисьим мозгом» («Саас үйэ тухары саһыл өйдөө □ үнэнаатырар этэ, онон өйдөөх, ньуолбар собус киһини киһи эрэ барыта: «Оо, саһы л мэйии», - диэн ааттыыр этилэр») [8, с. 143]. В произведении разворачиваются несколько сюжетных линий, среди которых известны сюжеты приключенческой русской народной сказки «Лиса и волк» и басни Ивана Крылова «Ворона и лисица» (1807). Итак, для выражения основной идеи произведения автором

привлечены сюжеты: 1) из сказки «Лиса и волк» - притворившаяся мёртвой лиса решила украсть рыбу у старика. Она скинула весь улов с воза и сама сбежала. Лиса учит подбежавшего к ней волка, когда она ест рыбу, как наловить рыбу хвостом. Бесхитростный волк верит ей на слово, за что оказывается битым; 2) из басни «Ворона и лисица» - пробегающая мимо лиса хочет отнять кусок сыра у вороны и ради этого начинает расхваливать ее и уговаривать её спеть. Поддавшись на лесть, ворона каркает, сыр выпадает, и лиса убегает с ним. Главным назначением завязки сюжета сказки П. Ойунского «Лиса и барсук» является удивительное обстоятельство - лиса попадает в Армению. Очевидно, суть сказочно-фантастического мира в авторской сказке раскрывается благодаря приключенческим историям персонажей. Писатель, используя прием «бродячего сюжета», расширяя географическое и художественное пространство, показывает традиции другой национальной литературы. Здесь автор синтезирует якутские народные и «иные» сказочные начала. «Миграционные» формы порождают особенности мироощущения писателя, вместе с тем, именно сочетание стилистических приёмов, общенародных фразеологизмов придают тексту эмоциональную окрашенность, отражают авторскую концепцию и передают художественный образ. Данный факт подтверждает правоту слов В.В. Виноградова: «Всякое литературное влияние связано с социальной трансформацией заимствуемого сюжета, образа, т.е. с его творческой переработкой и приспособлением к новым культурно-историческим условиям, особенностям национальной жизни и особенно – к творческим течениям и стилям национального искусства» [\[9, с. 15\]](#).

В сказке «Спор» применены традиции народной сатирической сказки - сказки о пернатых, в которой в пародийно переосмысленной форме просматриваются мотивы, образы, детали сказок-анекдотов. В экспозиции писатель изображает картину мироустройства, свойственную во вступительной части якутского героического эпоса *олонхо*. Картина о среднем мире описана по формуле эпического времени в *олонхо* – повествование о сотворении среднего мира, возникновении окружающей природы, птиц и животных. В описании величие и красота природы эпически гиперболизированы, как и в *олонхо*, что также, как и в *олонхо*, эта страна «располагает набором животного и растительного мира, наделенного хозяевами *иччи**» [\[10, с. 59\]](#) (*иччи** – духи-хозяева предметов, явлений природы или определенных мест в традиционных верованиях якутов).

Писатель весьма интересно обрисовывает своих персонажей-птиц: журавлей, лебедя, орла и др., обладающих «человеческими качествами». Как подметил Ю.М. Соколов, в сюжете сказок о животных весьма широко применяется прием встреч — встречи животных друг с другом или с человеком [\[11, с. 23\]](#). Как в сказке «Лиса и барсук» — встречи лисы со стариком-бедняком, волком, барсуком, вороном и др., в сказке «Спор» состоится встреча птиц и их собрание. Мотив встречи в «Споре» как нельзя лучше отвечает идейно-художественному заданию автора, так как дает возможность свести пернатых, наградив их соответствующими качествами и поступками, придав таким образом ирреальное и фантастическое. В «Споре» рассказывается о собрании персонажей-пернатых, в котором речь идет о «выборе» правителя. В завязке произведения происходит начало сюжетного развития, которое заключается в ссоре героев. Неожиданным пунктом в сюжетном повороте – кульминацией является появление всесильного орла, сопровождаемого «свитой» - многочисленными стервятниками. Шумиха разразившегося скандала прекратилась в мгновение ока: вот уже претенденты на власть, оробев, стали хором выкрикивать о том, что надо избрать правителем орла. В «Споре» писатель создает не только аллегорические образы, но и аллегорические

ситуации, показывающие верх изощренности путей от хищника до жертвы и хищника до хищника. В своей сказке писатель критикует волчьи нравы эксплуататоров, показывает право более мощного хищника на господство над слабыми. Характер ассимиляции фольклорных элементов, образов животных в ткани литературного произведения зависит не только от конкретной художественной задачи, но и от жанровой специфики данного произведения, схожей с животной карикатурой, фельетоном, басней. Используя народно-поэтический аллегорический сюжет, сатирически описывая «начальстволубивых» глуповцев, их борьбу за власть, П. Ойунский углубляет социальный мотив якутской народной сказки, придает произведению колоритное, при этом современное звучание.

Речь персонажа - один из главных факторов в произведениях П. Ойунского. Одна особенность сюжетной композиции его сказок - диалогическая речь, в которой отражена эффективная форма наделения «животных» человеческими признаками и качествами. В сказках о животном мире П. Ойунского функциональность вымысла основана «на передаче критической мысли: в юмористических или сатирических целях животным придаются людские черты» [\[12, с. 196\]](#). В своих сказках П. Ойунский изображает борьбу за восстановление справедливости, утверждает вечные нравственные ценности и отрицает буржуазные. Отнесение произведения к сатирическим сказкам позволяет писателю сделать главный моральный вывод о мире и человеке.

Для усиления эмоционального впечатления, экспрессивности П. Ойунский часто употребляет русские заимствованные слова. В языке якутского народа в XVII-XVIII вв. неизбежно произошло влияние русского языка. Якутские сказители (олонхосуты) намеренно употребляли варваризмы в качестве художественного приема, как показатель эрудированности, так и для обогащения своего языка. В произведениях П. Ойунского русские заимствования адаптируются фонетическим законам якутского языка: *торуойка* (тройка), *уокарак* (окорок), *туруон* (трон), *сарыысса* (царица), *уруускай чэмчүүк* (русский жемчуг), *хиитэрэй дууса* (хитрая душа) и др. Применение русских лексических заимствований в произведениях также способствует сохранению ритмического рисунка. Во многих фрагментах использованы двуязычные русские заимствования. Как пишет исследователь грамматики якутского языка Е.И. Убрятова, «вступая в тесное и длительное соприкосновение с другими народами, якуты для облегчения взаимопонимания могли некоторым словам давать двойное обозначение. Впоследствии такие двуязычные слова, переосмысливались и приобретали дополнительные оттенки» [\[13, с. 299\]](#).

Интертекстуальные отсылки к рассказам П. Ойунского

«А. Македонский», «Соломон Мудрый»

Для якутской литературы начала XX века западно-европейская литература - явление далекое и культурно-литературно чуждое. Вместе с тем, использование различных структур и образность «других» произведений вызывает интерес, в частности, контекст чужой культуры.

П. Ойунский мастерски интерпретировал истории, культуры далеких цивилизаций, придав рассказам «Александр Македонский» (1935), «Соломон Мудрый» (1935) колоритное содержание с живописными персонажами. «В применении сюжетов иностранных произведений возникают оригинальные рассказы, использующие разнообразные культурно-мифологические модели. При этом присутствие элементов стилизации становится почти неизбежным. Особенно ярко этот момент проявляется в рассказах,

смыкающихся с другими жанрами» [\[5, с. 534\]](#). В результате, эти модифицированные с характерными «странствующими», «бродячими» и другими сюжетами произведения стали по-настоящему близкими якутскому народу.

В филологической науке одним из основных разделов фольклорной легенды является группа «библейских» легенд. В данных произведениях демонстрируются библейские истории, в которых вносятся существенные элементы представлений различных этнокультурных традиций. Сюжеты рассказов П. Ойунского «Александр Македонский» и «Соломон Мудрый» основаны на библейских притчах. Сформированность канона рассказов-притчей позволяет предположить, что данные рефлексивы являются признаком зарождения нового жанра в творчестве П. Ойунского. Основной чертой, определяющей специфику произведений является философское осмысление картины мира.

Тексты произведений «А. Македонский» и «Соломон Мудрый» исследователями называются и «преданием», и «легендой». Очевидно, произведения выполняют роль интекста, в то время как *предания* являются законченными произведениями. Также, следует отметить, что по отношению обоих жанров: *легенда* представлена как нарратив о выдуманных событиях в форме опоэтизированного произведения о далеком прошлом, в *предании* предельно сохранялась историческая канва. Уместно здесь привести мнение Н.А. Туляковой: «Выбор повествователя, в легенде персонифицированного, а в предании всезнающего, усиливает эффект. Хронотоп легенды историчен и близок читателю: легенда представляет мифо-поэтическую трактовку исторических событий. Хронотоп предания экзотичен и условен, а сам текст является стилизацией под миф» [\[14, с. 24\]](#). У П. Ойунского прием интертекстуальности строится на историческом материале, в котором поднимаются, также, глобальные проблемы – социальные проблемы взаимоотношений государства и личности («Александр Македонский», «Соломон Мудрый»).

П. Ойунский к 1930-м гг., отказавшись от государственного служения, «сознательно отдал всего себя осмыслению природы власти. ...Его художественное осмысление природы власти привело к выводу: власть, ставшая бесконтрольной, приводит к диктаторскому правлению и репрессиям. Он рассматривает жизнь как борьбу, как противостояние власти и интеллекта, свободного человеческого духа. Обо всем этом говорят произведения «Александр Македонский», «Соломон Мудрый» и др.» [\[15, с. 177\]](#). Произведения написаны в тот период, когда сложные процессы происходили как внутри страны, так и на международной арене. «В Европе поднимал голову фашизм, в СССР утверждался культ личности и начались репрессии. В этих условиях якутский писатель недвусмысленно осудил тиранию и жестокость. Его герой, покоривший многие страны и народы, приходит к осознанию эфемерности славы великого завоевателя и создателя мировой империи. Он сравнивает свою славу, добытую огнем и мечом, с «каплей воды, упавшей в песок» [\[16, с. 5\]](#).

Своими рассказами «А. Македонский», «Соломон Мудрый» П. Ойунский приблизил читателя к изображаемым им древним цивилизациям эпох до н. э., свои знания превратил во что-то «осязаемое». Его рассказы считаются своего рода историческими «документами», воплощающиеся в себе передовую идейно-эстетическую позицию писателя. П. Ойунский, как исследователь, скрупулезно изучил мировое историко-культурное наследие и сумел отобразить в своих рассказах истории господства полководца Александра Македонского и мудрость легендарного правителя, царя Соломона. Созданные в произведениях образы легендарных Александра Македонского и

царя Соломона позволяют обращать внимание на важные исторические детали, посредством которых автор усиливает эмоциональные составляющие произведений.

Экспозиции рассказов начинаются повествованием о стране главных героев, которые напоминают вступительную часть эпоса олонхо: ...там, в те времена, / где вечен солнечный зной, / с восходяще-пляшущим солнцем своим, / взлетающим над землей... («Александр Македонский»). Во вступительной части рассказа «А. Македонский» представлен царь Македонский, восседающий на золотом троне в церемониальном облачении. Македонский, как и якутский богатырь из эпоса олонхо, облачен в богатые, «роскошные» одежды, что подчеркивает статус героя: «Облачился в золотой панцирь, со звездой из сверкающего драгоценного камня, с плюмажем из конского хвоста будто взъерошенный вихрем, с изображением огненного змея золотой шлем надел, дубину на локоть прицепил» [8, с. 104]. Несколько отличителен зачин в рассказе «Соломон Мудрый». В авторском отступлении рассказывается, о том, как некий юноша рыбачит со своим дедом, который является прототипом по имени Иван Унаров. Следует обозначить, что именно деда писателя величали по имени Иваном Унаровым. В рассказе носитель множества народных преданий и сказаний дед Иван рассказывает внуку сказание о «Соломоне Мудром». Так, в обоих произведениях события открываются отсылкой к тематике мировой истории – о прославленном своей мудростью и знаниями царе Иерусалима Соломоне Мудром и непобедимом, доблестном полководце Александре Македонском. Легенды о Соломоне говорят, что он был не только необычайно мудрым человеком, но и ещё умел подчинять себе стихии природы. Достижением писателя является создание ярких, художественно совершенных образов. Героический характер содержания произведений, как и эпос олонхо, обуславливает гиперболичность образов, придающий поэтическому миру произведений могучесть и величавость. Красочно повествуется также о том, что при их царствовании государства наслаждались благополучием и счастьем.

В произведениях есть несколько запоминающихся сцен, на которые стоит обратить внимание. В одном из эпизодов рассказа «А. Македонский», Македонский в честь очередного военного похода устраивает для своих подданных большой пир с разнообразием, великолепием угощений. Повествование торжества тождественно описанию картины в эпосе олонхо, в котором речь идет о народе, который восхваляет своего всемогущего богатыря и ликует от предстоящей его победы. Далее, автор использует прием, с помощью которого усиливает описываемое событие – внесение образа философа Аристотеля: «...только один среди гостей не радуется, не прославляет Великого Александра. Этим гостем был – философ Аристотель». Среди исследователей существует мнение, что в образе Аристотеля представлен сам автор – П. Ойунский и устами философа автор выступает о том, что кровавые дела Македонского – это помутнение человеческого разума, пропасть для цивилизации. Наивысшее напряжение действия раскрываются со строк: «Вся Мидия горела в огне...» Жестокий тиран Македонский проливал кровь тысяч и тысяч неповинных людей, побежденный правитель мидийского государства Солон взят в плен. Однако одержавшему победу Македонскому не удалось долго насладиться славой. Показателен последний монолог Македонского: «Мое счастье — счастье кровавого оружия, в чем же умысел счастья того?..». Тогда Македонский вызвал к себе пленного Солон и вел с ним разговоры о войне, власти, о смысле жизни. Царь Солон в ответ ему вал легенду о поступках двух мудрецов, в конце которых высказывается мысль о том, что счастье и слава, добытые ценою насилия и крови, не могут быть долговечными. Язык писателя становится аллегорическим: автор донес последующему поколению потрясающую человечество правду событий 1930-х гг. Вставной рассказ, «разрушающий» размеренный ритм чередования сюжетной линии

позволяет читателю понять жизненную философию. В завершении рассказа чувство тяжелого раскаяния за совершенные преступления свело Македонского в могилу: «...Не вынеся боли от раны той, умер Александр Македонский в совсем молодые годы... Так сказывают с далеких-давних времен люди».

В рассказе «Соломон Мудрый» одной из ключевых сцен является описание о том, что в одном из празднований царь Соломон был очарован красотой одной из присутствующих женщин. Царь, вспыхнув к ней страстью, мужа этой женщины велел отправить на войну. Так изобретательный соблазнитель завоевал право на близость с вожделенной женщиной. Разгневавшийся бог отправил Ангела Смерти на Соломона за его грехи. Царь Соломон с помощью своего ума и хитрости избегает смерти от рук Ангела Смерти. В красноречивости Соломона автор подчёркивает проницательный ум, мудрость героя. Сюжет богат персонажами из библии, мифологии: это – боги, ангелы, ангел смерти, сатана-Люцифер и др.

В рассказах П. Ойунского помещаются несколько легенд, продолжая выполнять роль интекста. Ю.М. Лотман подчеркивает, что «меньшая степень правдоподобия вставных текстов, что типично для интекстов» [\[17, с. 432\]](#). В «А. Македонском» это подтверждается эксплицированной авторской установкой: с военными походами Македонского, его разговор с философом и др. В «Соломоне Мудром» автор эксплицирует вставной текст, в котором речь идет о знаменитом суде царя Соломона. В главном тексте о Соломоне: «мудрость свою Соломон показал в споре двух женщин. Ночью одна из них своего младенца задавила и подложила к другой женщине, а живого забрала себе. Утром женщины стали спорить, спорили они и перед царем. Кульминационным моментом является то, что, выслушав их, царь Соломон приказал: «Рассеките живого ребенка пополам и отдайте половину одной и половину другой». Одна из женщин при этих словах воскликнула: «Отдайте лучше ей младенца, но не убивайте его!». Другая же, напротив, говорила: «Рубите, пусть не достанется ни ей, ни мне!». Тогда царь Соломон сказал: «Не убивайте ребенка, а отдайте его первой женщине: она его мать. А другую – убейте!». В рассказе П. Ойунского образ царя Соломона изображается, как владеющий высшей мудростью человек, который уподобляется пророческий, как имеющий божественное происхождение.

Используя приемы аллегорий на основе фольклорного языка, П. Ойунского вносят ясность на мировые события, которые сквозь призму прошлого отчетливо освещают настоящее. В рассказах «Соломон Мудрый», «А. Македонский» представлены элементы библейского предания, преобразованные по выбору автора. Основные функции действующих лиц в рассказах заключаются в мотивах, которые влияют на ход действий, это – мотив «запретного плода» и мотив одержимости победой. Последовательность функций главного героя в «Соломоне Мудром» не линейная – функции идут в разрозненном виде (создание богатой, мирной жизни для страны – золотого века в годы царствования Соломона; решение царем спора между двумя женщинами и др.). И здесь основное внимание обращено на то, что автором дается параллельное повествование о «греховном наслаждении» героя, от которого и начался весь последующий хаос в сюжете. Перед нами представлен сюжет типичного библейского предания со счастливой концовкой, в котором побеждает мудрость.

Образ А. Македонского раскрывается в осознании различий жизненных ценностей Македонского и Аристотеля. Устами Аристотеля высказаны философские рассуждения: «Твой путь – освещен кровью, мой путь – высокими достижениями разума... (...) У тебя другой путь, прощай! Я ухожу...» [\[8, с. 105\]](#). В диалоге-споре с царем Солоном

Македонский терпит моральное поражение. В полифонических произведениях П. Ойунского «А. Македонский», «Соломон Мудрый» голос автора представлен в «разноголосице» мировых персонажей – выразителей основной идеи – идеи мирового порядка: через символов мудрости, истины, силы духа и борьбы. Писатель, создав образы носителей народной мудрости, включает якутского читателя к мысли, что мир стал единым своими глобальными проблемами. Нельзя не учесть и мнение народов, покорённых Македонским, царем Соломоном, чья молва и фольклор превратили в легендарные, почти мифические образы. Основываясь на конкретном историческом материале древних цивилизаций, писатель-романтик П. Ойунский воссоздал образы простых людей, преданных отчизне, самоотверженных защитников родной земли. Именно устные народные предания сохранили такие детали и подробности, которых недостаёт в исторических хрониках. По свидетельству Плутарха в «Сравнительных жизнеописаниях», А. Македонский придавал огромное значение устным народным знаниям. Значит, именно обладание высшим знанием для ученика мыслителя Аристотеля Македонскому было важнее, чем любая из блистательных побед на поле боя. Таким образом, в рассказах, основанных на сюжете легенды-притчи, П. Ойунский утверждает философские понятия о любви к жизни, вере в разум и воле человека.

Следует отметить, впервые якутский народ начала XX века знакомится, благодаря произведениям на основе «иных» сюжетов, с мировой культурой через мифологические образы: ангел смерти с косой (*симиэрт ааньньал хотуурун туора сүкпүтүнэн*) («Соломон Мудрый»); золотая колесница (*кыһыл көмүс кэлиэсиниссэ*) и др. (А.Македонский). В рассказах «А. Македонский», «Соломон Мудрый» писатель посредством частицы якутского языка *үһү*, выражающую косвенную эвиденциальность (засвидетельствованность), показывает стиль притчи: ...так рассказывают со стародавних времён (*...диэн былыр былыргыттан бар дьон кэпсэтэллэрэ эбитэ үһү*). Частица *үһү* в якутском языке образована от архаичного имени *өс* «слово», «речь» употребляется преимущественно в 3-м лице в повествовании, особенно в фольклоре, как форма повествования и пересказывания («...говорят, жили в давние-стародавние времена...»).

Вывод. Якутский писатель-реформатор начала XX века П.А. Ойунский в своих произведениях использовал прием интертекстуальность. Переработки на основе существующих народных сказок П. Ойунского занимают переходное положение, которые созданы по принципу «подключения» к существующей традиции. В связи с этим обнаружено, что сказки писателя отображают фольклорный подход «хранения», при этом имеют отношение к художественной литературе, а не к устному народному творчеству. Авторские сказки П. Ойунского отличаются многоаспектностью, выделенные на функционально-тематические группы; философско-сатирические и философско-аллегорические; приключенческие, социальные. Анализ произведений позволили выявить ряд языковых маркеров, связывающих тексты автора с исходными текстами. В частности, это в притчевых рассказах портретные детали героев-персонажей, сюжетные схождения, библейские реалии. П. Ойунский, обращаясь к притче, актуализирует ее традиционные формы, одновременно же вскрывает новые формальные возможности жанра. Произведения П. Ойунского, основанные на притчевые сюжеты, многогранны, которые являются принципом изображения человека и его образа мира, и которые находят в отражении различных притчевых формах (от аллегорической до символической). Авторские сказки и притчевые рассказы П. Ойунского связаны с выражением смыслов нравственности, наставления, а также религиозных и экзистенциально-философских.

Применение интертекста автором – результат знаний П.А. Ойунского, якутского писателя

начала XX века, мировой литературы и культуры; мировой мифологии и Библии.

Библиография

1. Окорокова, В.Б. Философские ракурсы творчества П.А. Ойунского. // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова. Серия: Вопросы национальных литератур. 2021. № 1. С. 26-34.
2. Хазанкович, Ю.Г. Фольклорно-эпические традиции в прозе малочисленных народов Севера : монография / Ю. Г. Хазанкович; отв. ред. д.филол.н. Ч.Г. Гусейнов ; М-во образования и науки РФ., Федер. агентство по образованию, ГОУ ВПО "Якут. государственный университет им. М.К. Аммосова". Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2009. – 129 с.
3. Овчинникова, Л.В. Русская литературная сказка XX века: История, классификация, поэтика: автореф. дис. ...докт. филол. наук: 10.01.01, 10.01.09 М., 2001. 41 с.
4. Аникин, В.П. Сказки русских писателей. Минск: Правда 1985. 672 с.
5. Орлова, Г.К. Литературная сказка / Поэтика русской литературы. Конца XIX – начала XX века. Динамика жанра. Общие проблемы. Проза. М.: ИМЛИ РАН, 2009. 832 с. С. 521-542.
6. Липовецкий, М.Н. Поэтика литературной сказки. Свердловск: Изд-во Уральского ун-та, 1992. 183 с.
7. Пропп, В.Я. Фольклор и действительность. М.: Наука, 1976. 326 с.
8. Ойуунускай, П.А. Талыллыбыт айымньылар: Үс томнаах: кэпсээннэр, сэхэннэр, пьесалар, ахтыы / П.А. Ойуунускай; Россия наукаларын акад., Сиб. отд-ние Саха сириинээби салаата, Тыл, лит., ист. ин-та. Дьокуускай: Бичик, 1993. Т. 2: Кэпсээннэр, сэхэннэр, пьесалар, ахтыы. 441 с. (на як. языке)
9. Виноградов, В.В. Сюжет и стиль: Сравнит.-ист. исследование / АН СССР. Советский ком. славистов. М.: Изд-во АН СССР, 1963. 192 с.
10. Саввинова – Отова, Г.Е. Культ природы в олонхо как отражение национального мировоззрения // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова: Серия Эпосоведение, № 3 (03) 2016. С. 49-64.
11. Соколов, Ю.М. Русский фольклор. / Акад. Ю.М. Соколов. М.: Гос. учеб. педагог. изд., 1941. 557 с.
12. Аникин, В.П. Русская народная сказка / В.П. Аникин. М.: Просвещение, 1977. 208 с.
13. Убрятова, Е.И. Парные слова в якутском языке // Язык и мышление. Т. XIII. № 2. М.-Л., 1948. С. 297-327.
14. Тулякова, Н.А. Легенда и предание в русской литературе первой половины XIX в.: жанровые рефлексивы и жанровые стратегии // Вестник ПСТГУ. Серия III: Филология. 2019. Вып. 58. С. 24-42.
15. Сидоров, О.Г. Мной оставленные песни в столетях сохранит народ.... // Сибирские огни, 2018. № 4. С. 159-178.
16. Бурцев, А.А. Ойунский и мировая литература / Олонхо в мировом эпическом пространстве: наследие П.А. Ойунского: Матер. Международной конфер. Якутск: Издат. дом СВФУ, 2018. 228 с.
17. Лотман, Ю.М. Текст в тексте / Об искусстве / Ю.М. Лотман. СПб: Искусство-СПБ, 2005. 702 с. С. 432.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

В рецензируемой статье предметом исследования выступает интертекстуальность в прозе якутского писателя П. А. Ойунского. Актуальность работы обусловлена, с одной стороны, важностью изучения когнитивных аспектов текста и актуализации интертекстуальных связей текста в дискурсе, с другой стороны, растущим научным интересом к национальной литературе как художественному воплощению национального сознания, к выделению и осмыслению индивидуального художественного опыта, к творчеству выдающегося якутского писателя XX в. Платона Алексеевича Ойунского (1893-1939), который представляет собой незаурядный литературный феномен, сыгравший огромную роль в становлении и развитии якутской литературы.

Теоретической основой исследования обоснованно выступили труды отечественных ученых, посвященные различным вопросам фольклора и литературной сказки, фольклорно-эпическим традициям в прозе малочисленных народов Севера, изучению творчества П. А. Ойунского т. п. Библиография составляет 17 источников, представляется достаточной для обобщения и анализа теоретического аспекта изучаемой проблематики, соответствует специфике изучаемого предмета, содержательным требованиям. Все цитаты ученых сопровождаются авторскими комментариями. К сожалению, автор(ы) не апеллируют к актуальным научным работам, изданным в последние 3 года, что не позволяет судить о реальной степени изученности данной проблемы в современном научном сообществе.

Методология исследования определена целью и поставленными задачами и носит комплексный характер: использованы общенаучные методы анализа и синтеза; описательный метод с приёмами наблюдения и обобщения, социокультурный и художественный анализ, литературоведческий и текстуально-герменевтический анализ произведения, культурно-исторический и сравнительно-сопоставительный методы, методы дискурсивного и когнитивного анализа, а также собственно интертекстуальный анализ, предполагающий изучение межтекстового взаимодействия.

В ходе исследования достигнута цель работы и решены поставленные задачи; проанализированы особенности интертекстуальности в произведениях Платона Ойунского; выявлены языковые маркеры, связывающих тексты автора с исходными текстами («в притчевых рассказах портретные детали героев-персонажей, сюжетные схождения, библейские реалии»). Сделаны обоснованные выводы о том, что «применение интертекста автором – результат знаний П. А. Ойунского мировой литературы и культуры; мировой мифологии и Библии», «переработки на основе существующих народных сказок П. Ойунского занимают переходное положение, которые созданы по принципу «подключения» к существующей традиции», «сказки писателя отображают фольклорный подход «хранения», при этом имеют отношение к художественной литературе, а не к устному народному творчеству».

Теоретическая значимость и практическая ценность работы заключаются в том, что она вносит вклад в исследование идиостиля Платона Ойунского, расширяя представление о его авторской картине мира, о национальной якутской литературе. Полученные результаты могут быть использованы в последующих научных изысканиях по заявленной проблематике и в вузовских курсах по общей теории литературы, по истории литературы, стилистике художественной речи; в спецкурсах, посвященных литературе народов России, якутской литературе, творчеству и идиостилю П. Ойунского и др.

Представленный в работе материал имеет четкую, логически выстроенную структуру, способствующую его полноценному восприятию. Стиль изложения соответствует требованиям научного описания. Статья имеет завершённый вид; она вполне самостоятельна, оригинальна, будет интересна и полезна широкому кругу лиц и может быть рекомендована к публикации в научном журнале «Litera».